

минаниям и прогулкам, аппетитным – телесно и духовно — застольям и тостам. К его рыцарским ухаживаниям и мужскому товариществу. К его непонятно каким образом сохранившейся душевной чистоте, сердечной щедрости и, еще раз скажу, мудрому приятию жизни. Словом, ко всему тому, что неотвратно влюбляло в Кагана женщин и мужчин, молодых и старых, ближних и дальних.

18 мая 2006 г. Моисею Самойловичу Кагану исполнилось 85 лет. Я не смирился с утратой, не научился думать и говорить о нем в прошедшем времени. Для меня он — живой, и каждый день я мысленно общаюсь с ним. А на моем столе – его «Метаморфозы бытия и небытия».

С днем рождения, Моисей Самойлович, дорогой мой Человек!

Л. А. Закс

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА ГЕРМАНА МЕТЕЛЕВА

Весной 2006 г. ушел из жизни один из самых значительных и глубоких художников Екатеринбурга Герман Селиверстович Метелев (1938—2006).

Г. С. Метелев родился в Свердловске в семье служащих. Отец сгинул в роковые 30-е. Однако клеймо сына врага народа не отпечаталось на мальчике. Быть может, потому, что мать довольно быстро вышла замуж. Детство Германа Селиверстовича пришлось на тяжелые военные и поствоенные годы. В нем рано пробудилась тяга к искусству — музыке и рисованию. Он увлеченно играл на домре и балалайке во Дворце пионеров. Но интерес к изобразительному искусству оказался сильнее, и в 1952 г. Герман Метелев начал постигать азы профессионального мастерства в Свердловском художественном училище, по окончании которого в 1957 г. он отправился в Ленинград, чтобы поступить на живопис-

ное отделение Института им. Репина. К alma mater Метелев через всю жизнь пронес уважительное и даже трепетное отношение, как и к профессорам, у которых учился. Особое же почтение он испытывал к профессору В. М. Орешникову — наследнику традиций петербургской живописной школы. В его мастерской молодой художник проработал еще два года после окончания института. В 1966 г. Метелев был принят в Союз художников — факт, свидетельствующий о признании его таланта и мастерства.

Конец шестидесятых (время возвращения Метелева в родной город) — период укрепления и расцвета свердловской художественной школы, бесспорными духовными лидерами которой были Г. С. Мосин, М. Ш. Брусиловский, В. М. Волович, сразу заметившие и принявшие его в свой круг. Можно говорить о существовании в городе в ту пору единой интеллектуально-творческой среды, включавшей художников, писателей, артистов, музыкантов. В нее органично вошел и приехавший из северной столицы Г. С. Метелев.

Мое знакомство с творчеством Германа Селиверстовича состоялось в 1994 г. на выставке произведений екатеринбургских художников из собрания ЕМИИ. Просторный зал, десятки картин, но в память врезалась только одна — «Лермонтов. 1841 год» Германа Метелева. Фон — живая пульсирующая субстанция, которая вот-вот поглотит стремительно летящую вглубь повозку, навсегда уносящую поэта. Последний прощальный взгляд Лермонтова, в нем усталость, горечь и обреченность. Свободное, экспрессивное письмо, в котором раскрывается извечная драма жизни и смерти, неумолимости судьбы. Г. С. Метелев всегда ставил перед собой в творчестве очень высокую планку... Думаю, многие запомнили художника именно по этой пронзительной работе, прогремевшей на выставке живописи 1976 г., где она стала центром экспозиции. Есть произведения, которые, увидев лишь раз, врезаются в память навсегда. «Лермонтов. 1841 год» — одно из таких.

Спустя три года нам, студентам кафедры истории искусств УрГУ, повезло оказаться в мастерской Германа Селиверстовича. Завораживали его картины, завораживал и сам автор, говоривший о своем понимании искусства, творчества и о себе. Эта встреча убедила нас в верности емкой и лаконичной характеристики — «философ», которую Г. С. Метелеву давали другие художники. Он действительно был философом — и в искусстве, и в жизни.

По времени вступления в искусство и по духу Г. С. Метелев был «семидесятником». Он чувствовал себя частью этого времени. В работах мастера в полной мере нашли воплощение такие черты искусства поколения, как метафоричность языка, мифологизация сюжетного действия, иносказательность, обращение к общечеловеческим темам и ценностям. В каждой работе присутствует его — метелевское — понимание мира, человека, а еще воплощение того, чем жила интеллектуальная элита страны в это время. Кстати, как и многие творческие люди, художник был в пассивной оппозиции к власти.

В искусстве Г. С. Метелев стремился к некой универсальности. Ему доставляло удовольствие ощущение, что он может все. Поэтому творческий диапазон художника был необычайно широк: от создания ювелирных украшений до выполнения огромных настенных композиций и оформления спектаклей. Он получал наслаждение и от самого процесса преодоления материала, и от возможности воплощения в нем своих мыслей, ощущений, будь то смальта или металл. Однако главными для художника всегда оставались живопись и графика. Историческая картина, библейский сюжет, натюрморт, портрет, пейзаж, книжная иллюстрация, экслибрис... кажется, его талант нашел воплощение во всех жанрах изобразительного искусства.

Несмотря на универсальность дарования и творческих интересов, в первую очередь Г. С. Метелев был мастером сюжетной картины. Главными, проходящими через всю жизнь художника темами стали б и б л е й с к и й с ю ж е т (история Христа) и языческая куль-

тура, воплощением которой стал образ кентавра. Эти две линии развивались в творчестве мастера параллельно. Для него язычество было формой религии, оживляющей, одушевляющей все сущее, необыкновенно сильной, сумевшей выжить в многовековой борьбе. Ведь на Руси языческие традиции проросли сквозь христианство.

Обращаясь к евангельским сценам («Понтий Пилат», 1992; «Омовение ног», 1992; «Голгофа», 1997), Герман Селиверстович писал историю человека. А вот образ кентавра стал выражением внутренней сущности самого художника. Не случайно многие кентавры Германа Метелева автопортретны («Прогулка с друзьями», 1997; «Автопортрет», 1999). Метелевский кентавр имеет мало общего с греческим первоисточником. Скорее, это славянский китоврас, пришедший в отечественный фольклор из апокрифов. Под влиянием «деревенской прозы» классический образ погружается в типичную деревенскую обстановку, становясь более русским, житейским, будничным.

Г. С. Метелев много работал в области монументального искусства. Заказ на выполнение огромных фресковых или живописных композиций гарантировал безбедное существование в течение года, а значит, предоставлял материальную возможность для создания творческих работ. Однако для Метелева не было «низких» жанров и видов искусства: к любому делу он подходил творчески. Яркий пример тому — мозаика в столовой Дома печати, выполненная в 1983 г. В выборе сюжета художник был ограничен и, кажется, весь свой талант вложил в создание самой мозаичной поверхности, которая и сегодня поражает своей красотой и богатством фактуры. В том же (1983) году он создал композицию «Торжество разума» (вестибюль УрГУ).

В работах Метелева прослеживается присущая мастеру амплитуда внутренних колебаний. Это видно уже в автопортретах 1970-х гг., отразивших внутренние метания автора, разлад с самим собой («Автопортрет», 1973; «Между ангелом и бесом. Автопортрет», 1975). Переломная ситуация 1990-х гг. спровоцировала обострение глубокого внутреннего конфликта в художнике. Теперь в положении «между ангелом и бесом» ангел часто оказывался слабее... Может быть, оттого и поздние библейские картины Германа Метелева — темные.

Когда уходит большой художник, кажется, что вместе с ним уходит целая эпоха. Но остается его душа, живущая в произведениях — картинах, графических листах, кованных вещах. Герман Селиверстович Метелев сыграл знаковую роль в развитии екатеринбургской художественной школы второй половины XX в., но полноценной монографии о мастере нет до сих пор. Однако творчество художника неоднократно исследовалось преподавателями кафедры истории искусств УрГУ, к нему обращались и, наверняка, еще будут обращаться студенты-искусствоведы в своих дипломных сочинениях. Ведь произведения Метелева — благодатный материал для исследования.

В. В. Говорковская